

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

ЕЛЕНА ДОНЧЕНКО,

доктор социологических наук, заведующая лабораторией психологии масс и организаций Института социальной и политической психологии АПН Украины

АНАТОЛИЙ ОВЧАРОВ,

научный сотрудник лаборатории психологии масс и организаций Института социальной и политической психологии АПН Украины

Адаптационный невроз социума как следствие управленческого кризиса

Социум как социальный институт человека. Стадии адаптации

Выход страны из глобального общественного кризиса должен сопровождаться разрешением целого ряда вопросов, определенным образом влияющих на выбор Украиной своего собственного пути, на формирование ее имиджа как самостоятельного субъекта на мировой арене. Одной из главных является проблема оптимального структурирования социума на различных уровнях социальной пирамиды. Традиционная социология выделяет три основных социальных института: государство, собственность и семью. Все три ныне основательно деформированы, а государство и собственность временами превращаются в свою противоположность. Для большинства людей в нашей стране реального государства сегодня просто не существует (поскольку оно сложило с себя функции элементарной социальной защиты человека, не выплачивая заработной платы и пенсий, нивелируя любые достижения и т.д.), а собственность переживает трудные времена своего становления, в процессе которого многие разновидности ее становятся атавизмами (например, интеллектуальная собст-

венность или живые незащищенные деньги, не выполняющие своих естественных функций). Традиционная форма жизни — семья — деградирует морально и физически вследствие обвального разрушения традиционной системы ценностей.

Пришло время тщательно проанализировать еще один социальный институт — институт человека. На первый взгляд он имеет весомую структурную базу, то есть существует немало разнообразных структур, имеющих дело с человеком, но речь сейчас не о них как об отдельных составляющих нашего государства, а об определенных последствиях их суммарной деятельности. Имеется ввиду огромное социальное поле влияний, информационно-энергетическое пространство социума, в котором сегодня живет человек и которое является едва ли не основным для полноценного или патологического формирования самого человека и всех социальных институтов, возводимых им. Это не только историко-культурный фундамент данного социума. Это вся совокупность социальных (экономических, политических, информационных, психических и др.) влияний, создающих определенную систему поведенческих, эмоциональных и когнитивных установок для определенного рода взаимодействий людей в данном социуме, для того или иного уровня качества их жизни. На уровне реальных субъектов взаимодействия это — психологическое поле, на уровне научных обобщений — это более структурированное, более информационно насыщенное, однако менее живое социологическое поле, а на уровне целенаправленного вмешательства в поле влияний — это идеология в различных ее формах. Существует мнение, что сегодня у нас нет идеологии, но это, разумеется, не так: с того момента, когда люди стали жить сообща, в социальном поле влияний всякой общности всегда присутствует важнейший консолидирующий или разрушительный фактор — собственная идеология. Иное дело — как она работает, каким образом формирует то или иное общество, кто определяет ее направленность, насколько это руководство адекватно природе данного социума и реальной ситуации, в которой он пребывает в каждый момент своего развития.

Это поле, безусловно, представляет собой целостный феномен, и именно он во всех трех своих аспектах составляет социальный институт человека, в котором он рождается, социализируется, живет и умирает. На научном языке его, как правило, еще называют обществом, но поскольку ныне в Украине нет такого целостного феномена, как общество, воплощением его сути может выступать социум: географическая, историческая, природная, культурная область на Земле, ограниченная определенными материальными и нематериальными возможностями. Некое поле влияний, имеющее центр и периферию. Социум — это и не субъект действия, и не объект его. Социум — это наш духовно-психологический воздух, которым все дышат, но который не принадлежит никому. Вероятно, именно поэтому его так трудно изучать и идентифицировать. Однако от того, насколько этот воздух “экологически чист”, целиком зависит здоровье вдыхающих его.

Утонченный научно-гуманитарный дискурс по поводу дистанции между человеком разумным и человеком неразумным, длящийся в рамках европейской постмодернистской мысли уже более двадцати лет, в лице Украины имеет блестящую иллюстрацию того, как бережно следует об-

ходиться с этим полем. Результатом неразумного вмешательства в него является, с одной стороны, заболевание психологической составляющей института человека, а с другой — манипулятивное и крайне опасное использование социологической составляющей для идеологического воздействия, для создания иллюзии общества, иллюзии общественной жизни тогда, когда ее нет и когда для обновления ее необходимы совершенно другие средства.

Сегодня есть смысл не столько говорить об институте человека, сколько целенаправленно спасти его. Взять хотя бы создание и распространение научного представления об опасных для социума и населяющих его людей последствиях, возможных в случае непрофессионального управления его развитием. Заканчивается XX век. Начинается новая эра жизни, новая эра осмысления старых и привычных действий. Вступление в новую эру со старыми привычками окажется пагубным для человечества.

На примере современной Украины мы видим, как Разум, отбрасывающий человеческую мораль, великую религию и малые традиции, превращается в Безумие. На наших глазах на много десятилетий постарел и поглупел наш социум, разрушилась его энергия, опять, как уже не однажды в истории Украины, родилась неуверенная в себе, предательская, чуждая народу, насилующая и беснующаяся власть, а народ оказался в информационно-энергетическом поле, насыщенном ощущением неравной борьбы с отсутствующим врагом: ведь все живут в этом поле — и избравшие, и избранные. Власть недовольна народом — и наоборот. Все выбирали общий путь, а он оборвался в самом начале. В психологии такую ситуацию называют фрустрацией, а человек в таком состоянии закономерно реагирует либо агрессией, либо депрессией.

За короткий отрезок времени средства массовой информации, обеспечивая “открытость и плюрализм” политики, сформировали мощную психологическую и техническую базу для обострения социальной фрустрации, обессиливания социального гражданского интеллекта наших людей, превратив их в рассредоточенную, политически беспечную толпу с элементарным мышлением и примитивными чувствами. С каждым днем СМИ все глубже ввергают людей в хаос абсолютно противоречивой информации, рассылают взаимоисключающие психологические распоряжения и противоречивые социальные заказы людям, которые в конце концов перестают обращать на них внимание, просто “не слышат” их.

Если политика времен социальных кризисов в психологическом аспекте традиционно выступает реальным средством использования иррациональности масс, то политика в Украине стала одновременно и иррациональным средством потенциального саморазрушения и самоуничтожения. И произошло так потому, что в человеческом “разумном”, но неуправляемом социуме сработали те самые законы, которые свойственны животному миру. Попытаемся объяснить.

Всякая перестройка, любое разрушение порядка или привычного образа жизни, как правило, сопровождается приспособлением участников событий к новым условиям. В Украине фаза приспособления к длительному глобальному социально-экономическому переструктурированию социума слишком затянулась. Эта фаза состоит из трех последовательных

этапов: а) первичное приспособление к ситуации, выживание, перестройка “старой” системы ценностей и норм соответственно реально действующей; социализация и ресоциализация населения; б) персонализация, осуществление жизненных выборов на основании собственных потребностей и интересов, собственной индивидуальности в привычном социуме; в) интеграция, субъективное включение себя в определенную среду, принятие ее как своей, ощущение конгруэнтности (тождества) с нею, желание жить в ней, консолидируясь с другими.

Сегодня мы находимся на первом этапе — этапе адаптации. Переход ко второй стадии можно считать началом стабилизации системы, а со вступлением социума в третью фазу — интеграции и конгруэнтности — можно будет говорить о новосозданном порядке, то есть о новом обществе.

Поскольку ныне в нашей стране социальный институт человека переживает состояние кризиса, основными противоречиями которого выступают ускоренный социальный запрос, с одной стороны, и “несостоятельная” социальная реальность — с другой, он ощутимо пробуксовывает. Не структурируется и не срабатывает важнейший социальный механизм преобразований и развития. Поэтому в новорожденном обществе никак не может завершиться первая фундаментальная фаза социализации — фаза адаптации. Почему?

Анализ требует разделить фазу адаптации еще как минимум на две стадии. Параметры первой стадии, как и в животном мире, связаны с действием основного биологического закона — сохранения собственной жизни. В животном мире, в отличие от растительного (где энергию для выживания может давать солнце), для того, чтобы выжить, необходимо уничтожить других. Этот закон можно считать источником негативных чувств — ненависти, когда хочется разрушать окружающее, и страха, когда нужно быстро бежать, чтобы спрятаться от разрушительного воздействия окружающего [1]. Этим негативным чувствам соответствует вектор “от” окружающего мира. Даже приближение к чему-то или кому-то происходит с целью разрушения. Одни разрушают, другие обращаются в бегство от опасности. Но агрессия и страх всегда тесно связаны, они бок о бок шагают по жизни. Невозможно сблизиться с окружением, адаптироваться к нему, если хочется от него бежать или что-нибудь разрушить в нем!

В нашей жизни не приходится долго искать примеры в подтверждение этой тенденции. Ситуация в нашем обществе не просто напоминает, но полностью отражает закономерности действия первого биологического закона. Вероятно, когда-то в Древней Греции высокопоставленная элита была более откровенна, нежели теперь. Вспоминая ныне эпоху Пелопонесской войны, проведем аналогию с современной властью; тогда все аристократы, вступая на наделяющую властью должность, давали клятву: “Обещаю быть вечным врагом народа и принести ему столько зла, сколько смогу!” Сегодня жаждущим полновластия этого мало: они клянутся причинить максимум зла не только народу, но и друг другу [2]. Однако мало кто из них задумывается над тем, что все они вместе сделали с социумом. Скорее всего, тут сработали ментальные установки социальной психики украинцев: главное — это мое собственное “Я” и мое благополучие. А за забором хоть трава не расти! А ведь за забором социализируются их дети, тот самый народ, все еще верящий в печатное

слово и заботливого хозяина, народ, к которому они обращались вчера и завтра обратятся за разрешением быть этим самым хозяином. Первый заколдованный круг.

Характеристики второй стадии первого этапа адаптации к социальной трансформации можно сравнить с действием второго биологического закона — сохранения вида. В отличие от первого, этот закон лежит в основе положительных чувств, которые можно проиллюстрировать вектором “к” окружению. Чтобы соблюсти этот закон природы, следует по-настоящему слиться со средой, с другими людьми и божьими тварями: психологически и социально. На светском научно-идеологическом языке это может означать возникновение потребности населения в консолидации. Это то, над чем напрасно бьются современные идеологи, то, что крайне необходимо политикам для самосохранения. Однако то, что они для этого делают, все равно что протез или трансплантат, отторгаемый социумом вследствие его “чуждости” и противоестественности. Политики наших дней стремятся сохранить не социум, а самих себя. А социум, несмотря ни на что, имеет свои причуды. Когда с ним происходит “свое”, он реагирует нормально. Когда же ему навязывают чуждое, он болеет.

Итак, ныне в нашем социуме доминирует действие первого закона, который можно также назвать эгоистическим или эгоцентрическим. Не случайно в отборе информационной продукции и во всей мотивационной ауре господствует кредо индивидуалиста: “это не мои проблемы”.

Разумеется, речь идет об обобщающей “ауре” дня сегодняшнего, о психологическом климате информационно-энергетического поля нашего социума в целом. Исключения из правил существуют всегда, и всегда в массах рождаются и живут герои, и всегда наряду с векторами “от” и “к” существует третий, сугубо человеческий вектор — “над”, отображающий исключительно человеческие метаценности, творческую природу человека, в том числе и потребность изменять окружающее “под себя”, под свой внутренний порядок. Но тут нетрудно почувствовать всю противоречивость радости от осознания этого чисто человеческого качества, ведь история всякий раз страдает от рук героев, чей внутренний “порядок” приводит к ужасающему хаосу в обществе (вспомним многочисленных харизматических лидеров со знаком минус — Наполеона, Робеспьера, Мао, Гитлера, Сталина...). И едва ли не главным последствием их успеха была именно та искажающая все человеческое психологически тягостная окраска социума, определяющая качество социального института человека. Она может быть доброй и злой, спокойной и бурлящей, привлекательной и безобразной. Поэтому сегодня мы имеем то, что имеем: инертно-злую и отталкивающую ауру.

Совместная жизнь людей требует немалых усилий для утверждения активной, доброй и привлекающей ауры. Ведь не секрет: чем выше форма организации жизни, тем явственнее потребность в совместной жизни. Усилия по сохранению собственной жизни и жизни вида намного легче осуществлять в коллективе, чем в изоляции. Человеческий социум как наиболее сложная форма организации жизни на Земле требует разумного общего мнения, общей потребности и общего действия для поддержания определенного общего порядка. Отрицательное поле влияний разобщает

людей, порождает психологически неполноценное взаимодействие и социально неэффективное действие.

Таким образом, неквалифицированное вмешательство в жизнь социума порождает в нем социальный мрак и психологический недуг. Существуют болезни власти и болезни масс. Но несмотря на параллельную жизнь народа и власти, болезни их тесно взаимосвязаны, поскольку источником их является один и тот же недуг социума. Конечно, трудно сказать, синдромом чьей болезни выступает полнейшее недоверие людей к власти — болезни власти или болезни масс. Когда неправильно и неразумно работает голова, возникают психосоматические болезни тела и наоборот. Украина как социум — это неуверенный в себе маргинал, в блужданиях ищущий свою судьбу и вновь и вновь попадающий в заколдованный круг. И пока он не определится, не вспомнит самого себя, не гармонизирует среду вокруг и внутри себя, болезнь будет обостряться.

Болезнь социума, о которой мы говорим, является общей для власти и для масс. Эту болезнь нашего социума можно назвать “адаптационным неврозом”. К основным симптомам этого социального невроза относятся: 1) социальный страх и агрессия, доминирование отрицательных эмоций; 2) сверхбиологический, чисто человеческий эгоцентризм и 3) невротические “заколдованные круги” на фоне феномена “отсутствия завтрашнего дня”. Это явление — не столько протест масс или протест власти, сколько протест социума вообще в форме адаптационного невроза. Протест всех его клеточек, функциональных возможностей которых не хватает для того, чтобы упорядочить информационный хаос, осмыслить чрезмерное количество и скорость поступления социальных заказов (подчеркнем — не изменений, поскольку они не могут происходить в таких условиях, а именно заказов!).

Первую стадию адаптации на уровне социума можно определить как отклонение, как информационное исключение, как снижение резонансной (воспринимающей) способности коллективной психики, то есть как психологическую фрустрацию, которая, с одной стороны, проявляется в виде депрессии (в нашем случае — “великой депрессии” народа), а с другой — в форме агрессии, истерии (что больше присуще власти, особенно во время предвыборных марафонов). Однако любая психика — будь то индивидуальная, или же социальная — имеет ритмическую природу. И именно поэтому формы фрустрированности на уровне социума время от времени меняются, и это становится защитным механизмом для него. После штормов он отступает в информационно-энергетический вакуум. Депрессии сменяются периодами активности, которая энергетически быстро истощается из-за отсутствия соответственных возможностей нормального социального действия, превращается в свою противоположность.

Антропный принцип срабатывает и здесь: социум, как живой организм, способен irradiровать любые эмоциональные состояния: поле влияния становится либо более агрессивным, либо угнетающим, либо активизирующим. В последнее время наиболее активными являются периоды предвыборных кампаний: усиливается агрессивность, обостряется борьба, возрождаются надежды, бурлят желания. Но эти возвышенные эмоции — отнюдь не признак здорового позитива. Крайне опасной становится предвыборная ситуация, когда ожидания не оправдываются

“сразу и теперь” и активное состояние сменяется еще более глубоким разочарованием и депрессией.

Существует психологическая закономерность: явление иррадиации отрицательных социальных эмоций в социуме намного сильнее иррадиации позитива. Страх, отчаяние, агрессия, эгоцентрические выпады пробуждают скорее аналогичные чувства у окружающих, а не любовь, нежность, взаимовыручку. Более того — негативные эмоции во времени длительнее, чем позитивные. Поэтому в целом эмоциональное состояние кризисного социума намного “тяжелее”, нежели состояние социума на этапе социального порядка. Реальное доминирование в Украине в течение нескольких лет таких психологических характеристик, как страх, психическое напряжение, дискомфорт, угнетенность, социальный пессимизм, амбивалентность, безысходность, ощущение “камня на душе” и прочее, подтверждается многочисленными количественными показателями качественных социологических исследований [3, с. 40–44]. В среднем две трети населения Украины являются носителями того или иного психологического негатива. Иррадиация его соответствующим образом заряжает поле социальных влияний в Украине, придает определенное качество институту человека, где сегодня социализуется новое поколение, призванное возводить новое общество. Второй заколдованный круг.

Неразрешимый конфликт. Эгоцентризм. Комплекс неполноценности

Жизненное пространство в украинском социуме в сжатые сроки превратилось в виртуальное, в котором нет места ни для жизни прошлой, ни для самореализации “здесь и сейчас”, ни для будущего. Человек оказывается за пределами человеческого состояния то ли вместе с толпой, то ли отдельно от нее. В нем опять, как и миллионы лет тому назад, ситуация вызывает “звериный инстинкт” самосохранения, не имеющий ничего общего с парадигмой “самоактуализации”. Однако современное информационное пространство объединило эти две вещи, противоположная сущность которых внутренне опустошает простого человека, не склонного рефлексировать.

В каждом нормальном обществе есть либо “отец” (имеется в виду не только легитимно избранный любимец или харизматический лидер, но и сила традиций, играющая в традиционных обществах роль “отца” или “матери”), либо закон (конвенциональные нормы, которым по доброй воле подчиняются все члены общества). В Украине сегодня нет ни того, ни другого. Единственное, что осталось — это менталитет, то есть социетальное достояние столетий. Именно оно приняло на себя все исторически приобретенные конфликты и не осуществившиеся ожидания, именно оно поддерживает сегодня опустошенного, но живого человека, поскольку оно опытнее и мудрее всяческих новообразований. Человек будет жить до тех пор, пока окончательно не исчерпается его внутреннее тождество со своей землей. По данным социологических опросов, легче всех переживает нынешний кризис именно коренное население. Вероятно, некоторые меньшинства в это тяжелое время возвращаются на свою “родину” именно по этой причине: только там они чувствуют некую внутреннюю силу, не

зависящую от внешних потерь, именно там у них “включается” внутреннее право на борьбу за свою жизнь.

Однако человеку всегда недоставало собственно внутренней силы. А у большинства населения Украины ее вообще очень мало, так как разнообразные мигранты, составляющие сегодня большинство украинского народа (мигранты из сел, из других земель и стран), всем своим образом жизни настроены на поиск лучшего за пределами своего внутреннего мира. Наличие такой экстернальной установки подкрепляется различными эмпирическими исследованиями социологов. Да и вообще подобная социальная установка в современном западно ориентированном мире наиболее распространена. Не случайно поэтому в цивилизованных странах, если нация попадает в кризисную ситуацию, именно сильное государственное вмешательство, как правило, спасает ситуацию. Так было во времена Кольбера и Неккера, Кромвеля и Петра I, Рузвельта и Эрхарда.

Нашим же политикам, более всего декларирующим желание “душой и телом” присоединиться к европейскому образу жизни, свойственны “эластичная совесть” и “раздвоенное мышление” [4, с. 400–401], неспособность достичь стабильности и согласия, и это очень сильно напоминает симптом широко известной болезни, истоки которой, ясное дело, кроются в разрушенном обмене с внешним окружением.

Сегодня людям понятно: правящая элита играет в одну игру, а люди — в другую. Общей жизни у них нет. А поэтому поддерживать или не поддерживать всяческие начинания власти могут только участники элитарной игры. Некоторый всплеск надежды, предшествовавший появлению второго президента в Украине, очень быстро угас. Люди, ставшие просто публикой, теперь лишь наблюдают, но не вмешиваются. Большинство людей сегодня считают, что государственная система в Украине “неудовлетворительна и нуждается в существенных изменениях” (66%), что в “политике и правительстве практически нет людей, заботящихся об интересах народа” (73%), что “все политические партии похожи друг на друга и стремятся к одному и тому же — заполучить руководящие должности с фантастическими привилегиями и неограниченными возможностями для самообогащения” (73%), что наибольшую угрозу для Украины представляет сама украинская правящая “верхушка”, а не блок НАТО или Международный валютный фонд¹. К сожалению, список того, что уже осознали люди, но чего все еще не отрефлектировала власть, можно продолжать до бесконечности.

Игра правящей элиты слишком затянулась. И это понимают все. Однако проблема в том, что и в дальнейшем еще долгое время никто не помешает ей играть. Ведь людям в нашем независимом государстве не угрожает голод. В Украине, где основным и все еще неотъемлемым богатством являются черноземы, сегодня господствуют психологические наслонения в коллективной психике, обусловленные именно этой прирожденной особенностью: терпеливость, рассудительность, индивидуализм,

---

¹ Данные Всеукраинского опроса, проведенного службой “Социс-Гэллп” летом 1997 года. Выборка репрезентативная для всего населения Украины. Опрошено 1200 респондентов.

изоляция, надежда лишь на свой труд и его плоды (в какой-то мере — скупость), идеализм, вера в природных богов и др.

Во время проведения республиканских опросов большинство респондентов неоднократно признавались в том, что только голод заставит их выйти на улицу с протестом. В этом плане никакой социальной напряженности в Украине нет и быть не может. Люди всегда сами себя прокормят, если в их “игру” не вмешаются другие. Образно говоря, картошка и власть превратили украинцев, с одной стороны, в философов, а с другой — в политических и социальных инфантилов, детей.

Кое-кто из социологов утверждает, что наконец-то пришло успокоение (эмпирические показатели социального самочувствия на графиках выписывают своеобразное плато), свидетельствующее о человеческом восприятии данной ситуации как единственно возможной на данном историческом отрезке времени. Социологи-эмпирики констатируют, что люди стали аполитичными, что вытекает из их нежелания выходить на демонстрации и затевать какую-либо публичную шумиху. В интерпретациях звучат нотки удовлетворения по поводу того, что по этим показателям мы приближаемся к европейскому качеству восприятия политической действительности, где верхушки деревьев шумят, а люди продолжают жить — тихо и мирно, не углубляясь в тонкости динамики власти. Более того, очень уважаемые социологи, демонстрируя похожие сравнительные таблички с цифрами относительно недоверия людей к действующим политикам верхних эшелонов власти в Украине и, скажем, в Англии, объясняют такое совпадение тем, что это — нормальное явление, феномен социальной жизни, распространенный в Европе. На их взгляд, это признак вестернизации Украины, идущей, якобы, полным ходом, — и вообще все происходит как положено, за исключением разве что возникающих у нас серьезных недоразумений с демократизацией. Эти социологи, мнение которых иногда разделяют журналисты, а чаще всего для самоуспокоения используют политики, не склонны к более глубоким интерпретациям событий, связанных не только с историко-культурными особенностями массового сознания и поведения, но и с глубинной психологией дня нынешнего. В общем-то игнорирование социологами уровня психологической нагруженности событий — это довольно актуальная проблема, если рассматривать ее прежде всего в аспекте профессионального подхода к формированию в обществе институт человека.

Между тем, даже в данной ситуации мы наблюдаем конфликт между различными линиями поведения, направленными на удовлетворение совершенно противоположных потребностей: с одной стороны, мы имеем чрезвычайно политизированное население, много лет живущее в условиях новой идеологии, которая возвела его в статус “хозяина своей страны”, к которому все политики непрерывно обращаются, к которому апеллируют и им же манипулируют; внешние слои сознания людей переполнены политической трескотней, в которой людям, естественно, хотелось бы правильно ориентироваться; а с другой стороны, политическая активность народа полностью парализована, поскольку крайне противоречивая информация и, главное, абсолютно недоступный (по многим причинам) “политический оппонент” оборачиваются для нас существованием в абстрактной реальности, в каком-то непонятном, чуждом пространстве, где

нет путей для народа. Политическое поведение людей становится амбивалентным и деструктивным для страны. Что же касается собственного выживания в своей микросреде — тут проблем не возникает. Правда, речь идет только лишь о выживании, а не о полноценной жизни. Данная ситуация демонстрирует наличие конфликта и страха.

Для создания нового общества крайне необходимы базовые социальные потребности, модель удовлетворения этих потребностей и идеология как инструмент создания необходимой для новых действий энергетики нового общества. Так называемая деидеологизация общественной жизни в переходной период — грубейшее ошибочное убеждение политиков, обернувшееся для людей адаптационным неврозом. Но это и своеобразная идеология. Такие функции идеологии, как выражение и защита интересов группы, смысловая детерминация поведения, снятие социальной напряженности, социальная ориентация человека в мире политики и пр., не задействованы политиками. Вместо этого на измученную и неподготовленную к интеллектуальным играм коллективную психику целое десятилетие была направлена противоречивая информация, которую население просто перестало воспринимать. Рациональный путь к людям, как, впрочем, и от людей, оказался закрыт.

Однако главным в идеологии как одном из необходимых компонентов института человека все же остается сохранение внутреннего, историко-генетического кода чувств и поведения людей. Можно рационализировать или не рационализировать когнитивный уровень сознания людей, можно манипулировать и не манипулировать эмоциональными волнами народа, но превращать целую народность в *tabula rasa* в поведенческой сфере означает для нее погибель, крах. И если б не эта функция идеологии, которая так или иначе проникая в незатронутые человеческие души, наполняет информационное поле социума необходимой информацией, пробуждая историко-культурную память людей, политикам наверняка удалось бы сыграть со своим социумом злую шутку: он оказался бы не только на этапе первичного накопления капитала, но и первичного накопления поведенческого опыта выживания.

Ныне в нашей жизни господствуют различные квазиидеологии, то есть продукт психологической презентации новых социально-политических сил, рвущихся к власти как к самоцели. Массы существуют и нужны сейчас исключительно как публика, перед которой разыгрывается классический архетипичный сценарий “вождей”, бессильных унять свою властную агрессию, рвущихся к возможности быть первыми... Человек, ощущая себя обыкновенным зрителем, никогда не вырвется на сцену. Это вечное правило разумного человеческого бытия.

Известно, что разумные действия отличаются прежде всего идеальным планом, для претворения в жизнь которого необходимы поддержка в системе мотивации человека или человеческой общности, а также оправдание с точки зрения философии социального бытия.

Что касается мотивации — тут проблем нет. Всегда можно раскатать большую группу людей, которая при этом превращается в толпу, даже искусственным раздражением и навязыванием выдуманных проблем, не говоря уже о привлекательности нового мифа о Свободе, пришедшего на смену великому, но уже привычному эсхатологическому мифу о Спра-

ведливости и Заслуженном рае, который гениальный Маркс сумел превратить в неизмеримо энергетическую идеологию, имевшую непревзойденный успех. Ведь не является секретом человеческая потребность в изменениях вообще и, в частности, потребность нашего народа, заложенная спецификой родной природы (после лета хочется зимы и наоборот).

Накопление базовых потребностей в изменениях всегда провоцирует усиление социально-психологической напряженности, которая в нормальном социуме так или иначе разряжается. У нас она, как правило, не “разряжается” ни в разумных цивилизованных формах, ни в иррациональных массовых выступлениях и социальных конфликтах с неосознанной мотивацией. Вследствие этого очень страдает психологическое здоровье народа. Напряженность и конфликты в основном растворяются внутри человеческой психики, поскольку испокон веков украинские люди только принимали от природы, ничем ее не подталкивая. Но политики даже не догадываются об этом, потому и уверены, что активность можно пробудить волевым методом. Вот почему социальные изменения в нашем государстве не происходят реально, а с патологическим размахом нагнетаются социальные заказы, к которым не готова человеческая психика. Чем больше от человека требуют, тем меньше он выполняет, поскольку вынужден защищаться.

Скорее всего, в ситуации социального адаптационного невроза навязывание или востребованность каких-то новых разновидностей активности в глобальном масштабе совершенно невозможно. Напротив, состояние коллективной психики ныне таково, что ее следует освободить от множества неразрешенных жизненно важных вопросов, ответы на которые люди не нашли и потому просто перешли в состояние функционального “плато”. Нужно вернуться к тому, что было решительно отвергнуто и что теперь является источником внутреннего бунта человека против реальной действительности. Необходимо вернуться к этим вопросам, решить их, помочь людям выйти на рубеж нового мировосприятия.

Мы являемся свидетелями событий, которые не могут быть оправданы с точки зрения общей философии бытия, с точки зрения разумной эволюции систем. Главным психологическим достижением социальных реформ в Украине стал некий очень важный внутренний конфликт, сплетение чувств, которое население не в силах постичь ни разумом, ни чувствами. Украина приобрела новый комплекс, который живет в каждом из нас и одновременно самостоятельно от нас. “Комплекс инфантильности”, “комплекс бессилия” — как угодно, дело не в эпитете, а в сути диагноза. Не секрет, что эгоцентризм — не столько любовь к себе, сколько нелюбовь, даже ненависть к другим, это комплекс неполноценности, генерирующий негативные эмоции и отношения с окружающим миром, заставляющий во всем и во всех усматривать предательство. Если немедленно не начать лечение нашего социума, болезнь станет хронической.

С одной стороны, неплохо, что Украина в тот опасный момент (накануне и после ГКЧП) отделилась от Союза как от гигантского монстра. Но с другой стороны — она оказалась в плену собственной иррациональной катастрофы. Психическая реальность беспомощности, “необратимости судьбы”, в которой оказалось общество, поглотила одновременно и отдельного человека. Среда стала для него диктатором. Уже не человек

выбирает судьбу на фоне данной среды, а сама среда диктует человеку правила игры, определяя его поведение. Когда этот фон стабилен (в периоды нормального развития общества) — человек свободен в своих выборах; когда же он пульсирует (как в состоянии перманентного кризиса), человеку остается только приспособиться к этим пульсациям, принять новый режим жизни, чтобы выжить. Большинство людей при этом вынуждены отказать от своего социально-психологического прошлого и вступить на иной путь. И даже простые задачи — не утратить свой социальный статус, избежать снижения самооценки, а вместе с этим не лишиться уверенности в своих силах, сохранить необходимый круг общения, так называемую микросреду, не растерять систему собственных ценностей — на этом этапе социальной инволюции выполнить просто невозможно. Массы выступают как рассредоточенная анонимная толпа, требующая вождя и лидера, без которого ничего не сделать и даже не выжить. Массы — это не сумма индивидов. Это — толпа; она подобна женщине, и как женщина она любит сильных мужчин. Характер толпы — эмоциональный и капризный, своевольный и легкомысленный — определяет основные ее черты: пассивность, внушаемость, подчиненность, терпимость, коварство, склонность к экстремизму и крайностям. Качественное отличие первого этапа кризиса — в господстве фона и массовых ценностей.

Реальность осуществления даже эгоцентрических целей и задач на первом этапе так мала, что отдельный человек как индивидуальность как бы замирает, отдавая себя на волю фону. На социетальном уровне начинают функционировать иррациональные факторы. На индивидуальном уровне вступают в силу инстинкты самосохранения в разных формах, являющиеся интернализацией официальных политических событий и метаморфоз, проекцией социальной, политической и экономической гипердинамики на интрапсихические процессы. Господствует экстернальная сущность приспособления. Усиливаются противоречия между эмоциональными оценками, вызванными ухудшающейся экономической ситуацией, и реальными установками, направленными на поиск путей повышения своего жизненного уровня [3, с. 87–89].

Все это усугубляется тем обстоятельством, что жизненная ситуация вроде бы безопасна, не существует какой-то определенной угрозы и именно поэтому отсутствует оздоровительный эффект открытой войны. Страх у людей превратился в тихое, но постоянное внутреннее предчувствие неведомой опасности, что намного хуже опасности реальной. Напряжение растет еще и потому, что в самой искривленной природе украинского менталитета наличествует внутренний неосознанный конфликт, порождающий своеобразный “невроз социетального характера” украинского социума: невозможность активно противостоять внутреннему напряжению. Еще один заколдованный круг.

Социетальные основы кризисного состояния

Г.Лебон, задумываясь над вопросами социальной и социально-психологической преемственности в обществе, говорил о крайне распространенной ошибке: уверенности политиков в том, что любой народ может изменить свои социальные институты и социальную структуру по собствен-

ному желанию; все, что он может — это изменить названия, дать новые имена старым понятиям, в которых сохраняются корни прошлого данного народа [5, с. 64]. Речь идет именно об особенностях психологической преемственности народа со всеми закономерностями ее функционирования и о возможностях индивидуальной психики людей, способной или не способной к определенным преобразованиям, запланированным политиками.

В украинском менталитете, в отличие, например, от американского или английского, очень высока чувствительность к морально-этическим проблемам. Чувства обиды, несправедливости не только очень распространены в нашем социуме, но и генерируют вокруг себя обширное поле негативных, зачастую иррациональных, бесосновательных эмоций, всякий раз указывая на нашу гиперчувствительность к тому аспекту информационного пространства, который “генетически” провоцирует адаптационный невроз в сложных и затянувшихся ситуациях. Человек попадает в заколдованный круг противоречивых взаимодействий и установок как относительно самого себя, так и относительно окружающих, и прежде всего своего социума. Эгоцентризм, не обязательно связанный с самовлюбленностью, в данном случае отличается негативом в свой адрес, превращаясь в негатив по отношению к другим вследствие неуважения к своему, общему с ними, дому.

Активизация именно этих, так называемых иррациональных факторов, происходит в переломные моменты истории, когда, как и теперь в Украине, разрушается привычный порядок, а вместе с ним — и привычная жизнь, вместо хорошо подготовленной организации новой модели жизни предлагается лишь психологически невыверенная и неудачная ее попытка.

Юнг утверждал, что человечество вообще и каждая культура в частности подчинены надперсональным неосознанным смыслам, которые не вытекают из опыта отдельных людей или групп, а предшествуют как личностному, так и коллективному опыту. Эти коллективные психические силы нельзя воспринять непосредственно, однако они переживаются на уровне коллективного и индивидуального поведения как его регуляторы. Имеются в виду психические формы, названные Юнгом архетипами. Для функционирования определенного социума крайне важно то, какой эталонный, канонизированный набор архетипов вошел в данную среду. Этот набор зависит от природно-географических и социально-культурных особенностей каждого социального фона. Именно он неосознанно определяет социетальную психику социума, которая и регулирует социальную динамику определенного общества: степень традиционности, толерантности, привычки к изменениям определенного масштаба, форму правления, приемлемую для большинства, и т.д. Причем именно совпадение декларируемых идеалов и социетальных архетипов дает обществу глубинный повод, глубинную мотивацию к действию в направлении реализации этих идеалов. И напротив — расхождение между декларируемым и естественно-глубинным тормозит социальное движение и формирование новых поведенческих установок.

В Украине господствует нечто среднее между евразийством с его идолами (государственности, иерархичности, церковности, жертвенности, авторитаризма и пр.) и европейским просветительством (идеалами прогресса, свободы, равенства, этики рационального прагматизма, саморазви-

тия и пр.). Украинцам присущи и казацкая вольница, и земледельческая покорность Богу и природе. Восток и Запад соединяются в украинском мировосприятии точно так же, как пересекаются они в географическом измерении: индивидуализация, но вместе с тем и традиционность; эволюционность, поступательность, но не линейность; отстаивание внутренних имманентных факторов как национального признака и одновременно тяготение к наднациональным отношениям, плюрализации и универсализации “массовой культуры”; вестернизация внешних форм бытия, но наряду с этим традиционно-национальная окраска внутренних регуляторов поведения и мировосприятия. Украинцы более склонны к достатку, нежели к богатству, поскольку они никогда не знали, что такое богатство в понимании мирового бизнеса. Именно поэтому украинцы, с одной стороны, не ценят деньги так, как ценят землю, а с другой — стремятся не иметь долгов и никогда не жить в долг. Украинское богатство — это земля и все то, что она дает. Современным языком, земля — это извечные ценности, это верования, это мечты, это самое главное, то, чего людей нельзя лишить.

На первом этапе адаптации усиливается психологическая неполноценность украинцев, являющаяся одной из особенностей социетальной психики украинского социума (исторические предпосылки — комплекс “младшего брата” в Европе, отсутствие колоний в прошлом, а отсюда и отсутствие опыта собственности и богатства как таковых). Но вместе с тем катастрофически падает уровень сознательной социально-политической активности. По данным эмпирических социологических исследований, преобладающее большинство населения относит себя к социальным слоям, занимающим нижние ступеньки “социальной лестницы” [3, с. 105–112].

Отсюда — и феномен социально-психологической терпимости (СПТ), о котором много говорят психологи и социологи, окрашивая его позитивным потенциалом: СПТ — важная для общества способность, поскольку является защитой от саморазрушения, СПТ — сдержанность в переживаниях, оценках и поведении, инструментальная ценность, призванная обеспечивать способы гуманного и справедливого согласования взаимодействующих интересов [6].

В действительности же СПТ — это остановка индивидуального самопроявления на социальном поле. С одной стороны, закомплексованный человек сосредоточен в основном на своих внутренних проблемах и именно так оценивает ситуацию, слишком персонализируя ее, опасаясь, что каждый его шаг будет кем-то оцениваться, поэтому лучше его просто не делать (опять замкнутый заколдованный круг). С другой стороны, чрезвычайно сильным и неразумным является потенциал абсурда, нивелирующий способность рядового гражданина к противодействию. Это время — время вождей. Если у народа есть потребность в единстве, она всегда порождает вождя. И это не зависит от формы государственного устройства. В Украине, вероятно, до сих пор нет такой потребности. Ее раздирают внутренние противоречия. Отсутствует сильная общая потребность в выработке единой точки зрения, в том, чтобы увидеть внутренний смысл движения в целом. А без этого общественное движение ничего не выигрывает, поскольку снова и снова воспроизводятся толпы загипнотизированных людей. Потребность во внутренней консолидации формируется в душе каждого отдельного человека. **Возникновение такой потребности — путь к стабилизации социума.**

Иллюзии и реальность

Существующее в психологии понятие конгруэнтности (тождественности) личности самой себе с успехом может быть экстраполировано в сферу социально-психологической интерпретации социальной динамики. Под социально-психологической конгруэнтностью понимают состояние группы людей, отображающее их естественно-спокойное восприятие своего общества и его ценностей в соединении с их восприятием себя как органической составляющей этого общества. Это не состояние отличия себя от целого, а ощущение себя частью этого целого. Как правило, такое состояние тождественности субъекта самому себе как составляющей единого целого выступает фактором его “базовой” удовлетворенности, спокойствия, самодостаточности. Оно генерирует нормальную активность, защищает от неврозов, дает возможность самоопределения и самореализации субъекта, чувства защищенности и притяжения самого себя. На этом фоне любые неудовлетворенности меньшего порядка воспринимаются как нормальный стимул, повод для активности, а жизненные конфликты человек по желанию способен ввести в конструктивное русло.

Противоположным является состояние амбивалентности, неопределенности, ущербности, неудовлетворенности субъекта самим собой и окружающими, состояние, которое можно охарактеризовать и такими параметрами, как напряженность, нервозность, фрустрированность, невостребованность и др.

Кстати, даже так называемые “новые украинцы”, имеющие, как им кажется, все и якобы реализовавшие свои возможности, о которых раньше и не догадывались, не считают себя счастливыми, не чувствуют себя “как дома”. Психическая инфляция, приводящая к атрофии индивидуальности и отождествляющая человека с социальной ролью “нового богача, хозяина с неограниченными возможностями”, может оказаться болезнью опаснее СПИДа, поскольку лишает человека социального иммунитета, эмпатии, социальной ответственности, затягивая его в омут худших архетипов коллективного бессознательного, какие только знала история. Чувства самоуверенности и всемогущества уживаются у этих людей с состоянием агрессивности, личной неполноценности и угнетенности, которые тоже связаны с неконгруэнтностью “новых украинцев” с новым обществом, постоянно таящим в себе угрозу какой-либо расправы.

Психическая эпидемия нетождественности в Украине с каждым годом усиливается. Не срабатывает даже исторический инстинкт, призванный в переходное время “вытягивать” общество. Этот инстинкт должен срабатывать, когда есть общее желание выйти из кризиса и есть цель — куда и каким путем идти. В Украине пока что действует исторически сформированный так называемый “дистрессовый опыт поражения” [7], ведь впечатления минувшего сберегаются в психической жизни масс в виде мнестических следов и срабатывают в соответствии с новой ситуацией.

За народом Украины закрепилась характеристика трудоспособного, талантливого, отзывчивого, но несчастного народа, в течение многих столетий бывшего жертвой поляков, литовцев, татар, россиян и т.д.

Исходя из глубинной сущности конфликтов, можно сказать, что основной причиной ощущения себя обиженными или преданными является

не столько вторая сторона, сколько собственная психология. А собственная психология, то есть украинская социетальная психика, издавна страдает, как уже отмечалось, комплексом неполноценности, хотя данный факт “оттесняется” в подсознание, не осознается официальными “идеологами”. А без осознания отрицательных архетипов их не преодолеть!

Итак, мы имеем крайне опасный замкнутый круг проблем. Самым опасным тут является то, что глубочайший системный кризис, углубляющийся и усиливающийся перманентным психологическим кризисом, закрепляет определенный стереотип современной личности, связанный с негативно предубежденным отношением человека к себе, к другим людям и к своему государству. Известно, что определенное поведение и определенные переживания, в свете затянувшейся ситуации кризиса, превращаются в автоматизмы, становятся закрепившимися и устоявшимися чертами личности, которые она переносит во все будущие ситуации. Сегодня складывается особый тип украинской личности. Если к этому отнестись серьезно, в пору ужаснуться от того, что все мы надолго, если не навсегда оказываемся во власти собственных патологических форм поведения.

Современная ситуация в Украине усугубляет комплекс неполноценности украинского народа как целого, усиливая в нем ощущение второсортности, лишая чувства патриотизма, укрепляя социальную безответственность, до неприличия расширяя специфический класс с условным названием “купи-продай” (а товаром ныне является все, в частности и такие немодные аксессуары, как совесть, доброта, порядочность) и в который уже раз возрождая неверие отдельного человека в собственные силы и собственный, никому не нужный, интеллект. В такой ситуации “пробиваются” только сильные или же те, кого поддерживает большая сила.

В психоаналитической литературе, к которой в немалой степени можно отнести работы М.Вебера, С.Московичи, Г.Лебона, Г.Тарда, Х.Ортеги-и-Гассета и всех исследователей, не игнорирующих в своих концепциях психологический фактор, не говоря уже о классических трудах З.Фрейда и К.Г.Юнга, так или иначе говорится о том, что там, где срабатывает сила, холодная логика и воля, интеллект отодвигается на задний план. По своей природе он вообще не способен конкурировать даже с другим интеллектом, он может работать только в свободном индивидуальном режиме. Более того, интеллект и сила — это функции-антагонисты: они тормозят друг друга. Лебон по этому поводу писал, что прозорливость вообще ведет к сомнениям и бездеятельности и потому предназначение рулевого в том, чтобы иметь скорее мужество, которое бы мобилизовало людей, нежели интеллект, способный лишь парализовать волю [8].

Понятно, что выйти из периодов “великой депрессии” с помощью одной только силы невозможно. Ф.Рузвельт вывел Америку из беспрецедентного общественного кризиса прежде всего благодаря своему разуму и своей “американской харизме”. Ведь всякая “харизма” связана с инстинктивным знанием социетальной психики своего народа и умением продемонстрировать это в своей деятельности. Абсолютно понятно, что имиджмейкерам легче “сделать” своим лидерам характер, нежели разум, чем, собственно, и занимались имиджмейкеры Рузвельта.

На данном этапе мы как социум пребываем в самом низком энергетическом состоянии, в состоянии, которое можно было бы назвать наиболее примитивным по отношению к самим себе, в состоянии “освобожденности” ото всего приобретенного культурой, но с сохранением иррациональных чувств. Именно они и препятствуют поступлению чужеродной информации, проведению новых реформ; они не допускают до своего живительного дна политиков с их отчужденными от народной жизни стремлениями. Закапсулированность народа имеет еще одну сторону: он отдыхает и в то же время осмысливает, выстраивает для себя новые смыслы жизни. Постепенно индивидуальное “Я” находит себя в окружающем мире. Сознание движется сквозь все наслоения по вертикали вверх. Но происходит это очень медленно.

Человеческая психика (и коллективная, и индивидуальная) имеет свои пределы. Так, на Востоке и в традиционных европейских странах, где даже политические деятели учитывают ее природу, никогда бы не позволили себе превышать возможности человеческой психики. Количество и качество социальных изменений там строго контролируется и дозируется. Общественным событием в Китае считали когда-то даже изменение цвета деталей национального костюма. А в демократической Англии до сих пор без конституции сохраняется монархия и все ее права. В нашем случае количество и качество социальных изменений, особенно что касается этических норм и ценностей жизни, вышло за пределы человеческого понимания.

Стабилизация системы всегда связана с факторами, оказывающими сопротивление изменениям, информация о которых чужда большинству компонентов этой системы. Коллективная психика социума на первом этапе адаптации должна, наконец, устать от сопротивления опасным для себе изменениям и создать феномены, способные образовать новый порядок, структурировать новое общество, увеличить степень прозрачности причинно-следственных связей в новой социальной структуре. И самым главным среди этих новообразуемых феноменов станет новая личность, ее обновленное в хаосе “Я”, ее осознание непрерывности себя во времени, ее ощущение конгруэнтности с новой жизнью.

Однако люди, принимающие участие в создании информационно-энергетического пространства в кризисной стране (в контексте данной статьи назовем их идеологами), обязаны усвоить одну важнейшую вещь: негативные сигналы более эффективны, чем позитивные; они отталкивают людей от своего социума, создавая тем самым еще один заколдованный круг. И только приближаясь к чему-то, мы получаем о нем более-менее адекватную, реальную информацию, с которой можно начинать раскручивать собственную осознанную активность. Отворачиваясь от собственного социума, разрушая его, нельзя ему помочь, получить о нем информацию, способную придать силы для улучшения его. Именно последняя установка, складывающаяся ныне стихийно, вследствие повсеместного непрофессионализма и незнания, формирует в человеке позицию абстрактного наблюдателя, даже реальные человеческие трагедии воспринимающего как сказку.

Литература

1. См.: *Кемпински А.* Человек и невроз. — М., 1997.
2. См., напр.: *Тимошенко Ю.* Мне искренне жаль НДП. Шизофрению в острой форме ей обеспечили // Киевские ведомости. — 1998. — 10 апреля.
3. См.: *Головаха Є.І., Паніна Н.В.* Тенденції розвитку українського суспільства (1994—1997р.). Соціологічні показники (таблиці, ілюстрації, коментар). — К., 1998.
4. *Врублевський В., Хорошковський В.* Український шлях. — К., 1997.
5. *Лебон Г.* Психология социализма. — СПб., 1995.
6. *Реан А.А.* О феномене социально-психологической терпимости // Психологический журнал. — 1991. — №4. — С.181—182; *Зимбули А.Е.* Почему терпимость и какакая терпимость? // Вестник СПбГУ. — 1996. — Сер.6. — Вып.3 (№20). — С.22—27.
7. Див.: *Донченко О.А.* Соціетальна психіка. — К., 1994.
8. *Le Von G.* La Psychologie des foules? — Paris: Presses Universitaires de Franke, 1963. — P. 69.